

ЗАПРЕЩЕННЫЕ КНИГИ

Никколо Макиавелли

ЗАПРЕЩЕННЫЕ КНИГИ

Государь

**ЭКСМО
2014
Москва**

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Ита)
Н 62

Предисловие *Л. Сумм*
Перевод с итальянского *Г. Муравьевой*
Примечания *М. Андреева*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Никколо Макиавелли

Н 62 Государь / Никколо Макиавелли ; [пер. с ит. Г. Д. Муравьевой]. — М. : Эксмо, 2014. — 224 с. — (Запрещенные книги).

ISBN 978-5-699-66290-6

Шедевр итальянского писателя и дипломата, учебник и руководство к действию для правителей всех времен и народов на протяжении вот уже пятисот лет — трактат Никколо Макиавелли «Государь» оказался настолько крамольным, что в церковной среде утверждалось, будто бы он написан рукой Сатаны, и сразу несколько епископов Католической церкви добились его включения в «Индекс запрещенных книг» в 1559 году.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Ита)

© Сумм Л., предисловие, 2014
© Муравьева Г., перевод, 2014
© Андреев М., примечания, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-66290-6

Враг рода человеческого

Даты жизни Никколо Макиавелли (1469—1527) накрепко впаяны в историю Флоренции. Он родился в тот год, когда к власти пришел Лоренцо Великолепный, а умер через месяц после переворота, в очередной раз лишившего Медичи власти. Семейство Макиавелли принадлежало к числу мелких дворян со своим гербом: на серебряном поле голубой крест с гвоздями. «Гвоздь», а точнее, «злой гвоздь» (*mal chiavello*) дал прозвание этому роду. В дальнейшем и эта этимология трактовалась как указание на связь с inferнальными силами, однако корень *Mal* встречается во многих итальянских фамилиях и подразумевает силу, опасную для врагов.

Макиавелли входили в число нескольких сот семейств, причастных управлению государством, достигали порой и должности «гонфалоньера справед-

ливости». Впрочем, гонфалоньеры сменялись каждые два месяца, так что в подлинной республике каждая семья из этого узкого круга успевала отметить на высшем посту. Когда в игру вступил крупный капитал и разветвленные связи, политика сделалась уделом еще более узкого круга. Существенные должности занимали ставленники Медичи, и в руках главы этого рода сосредотачивались все важнейшие внутренние и внешние дела Флоренции. Отец Никколо, Бернардо, в политику и не рвался. Он с достоинством вел судебные дела таких же приличных семейств, читал римских классиков и переведенных на латынь греков, высоко ценил философов-моралистов и историков. С частным учителем Никколо осваивал математику, занимался также и музыкой, посещал городскую школу и в латыни дошел до высшей ступени — стилистики. Читали и флорентийских поэтов, Данте и Петрарку — Петрарка нравился больше. Вместо университета отец сам передал сыну юридические знания, а затем свою практику.

Всему этому благополучию Никколо подводит мрачный итог: «Я родился бедным и скорее мог познать жизнь, полную лишений, чем развлечений». Был ли он уязвлен тем, что его не отправили в уни-

верситет? Флорентийский Студио при Великолепном бурно обновлялся, превращаясь в подобие платоновской Академии, там царили философы, поэты, филологи, вписавшие свои имена в историю итальянской и мировой культуры. Чувствовал ли молодой Никколо себя ровней этим светочам? Ответ опять выйдет двойственным, как все у Макиавелли. Не в его характере чувствовать себя ровней кому бы то ни было. Одинокий, много читавший, имевший обо всем собственное мнение, он ставил себя выше людей, живущих старыми мифами, неспособных, как он полагал, к критическому суждению, и все же завидовал им — не знал греческого, не постигал тонкости модной в ту пору античной философии. В формальном образовании есть несомненные преимущества, особенно для одаренной и непростой души — оно приучает к равенству. Для Никколо оставались лишь обходные пути, и он взял свое, сделавшись не юристом, но политиком, не переводчиком, но комментатором Тита Ливия, не творцом, но автором Истории. С детства привыкший жить «из себя», жить книгами, а не общением с людьми, он строил некий параллельный мир, то есть мир более мифический, чем все им разоблаченные мифы.

Любовь к Петрарке о многом говорит: сходство темпераментов, склонностей, представлений о мире и своей роли в нем настолько разительно, что призадуматься, не переселилась ли в Никколо душа Франческо — тем более что и Петрарка был сыном флорентийского нотариуса. Нежный поэт воображал себя политиком, переписывался с папами, императором, иностранными и местными государями, ревнуя о восстановлении Италии, а дипломат писал стихи, стал автором одной из первых итальянских комедий и первой литературной сказки и чрезвычайно обижался на Ариосто, забывшего про него в рейтинге итальянских творцов. Дилетантизм как способ раскрыть свою многогранность, детская, всесторонняя, еще не определившаяся гениальность — великие обещания и неизбывная обида. Поэты шли в политику, а дипломаты воображали себя поэтами — неудивительно, что в Италии политика сделалась искусством. Никто не спрашивал, нравственны ли предложенные Макиавелли новые идеалы; никто не спрашивал даже, осуществимы ли они. Главное, что это — идеалы, в них есть сила, красота, убедительность. Этика подменяется эстетикой. Ведь что такое *virtu*, необходимая Государю? Не христианская *virtus*-добродетель, и даже не античная доблесть.

Энергия, сила, безоглядный эгоизм, на современный лад даже драйв. Напор, обращенный вовне, измеряемый воздействием и впечатлением. Сентиментальная эстетика.

С Петрарки началась столь значимая и для Макиавелли тема объединения Италии и ревизия «римского мифа». Среди множества мифов, которыми питалась наша культура, одним из самых влиятельных и живучих оказался миф о Римской империи. Из школьного курса известно, что Римская империя пала в 476 году. Однако сама империя этого не заметила: символический жест Одоакра, отославшего регалии в Константинополь, подразумевал не крушение империи и даже не выход из нее западных провинций, а лишь уничтожение института «вице-императоров» с резиденцией в Риме. В VI веке Юстиниан в своей «восточной половине» издавал свод законов на латыни и готовился отвоевывать Италию, а франки из хроники Григория Турского посылали символическую дань в Византию. «Мы христиане, мы граждане Римской империи», как пишет Григорий Турский, — эти два понятия казались тесно связанными, так что, когда Константинополь оказался

бессилен защитить западных христиан от мавров и роль спасителя христианства перешла к французскому королю, совершенно естественно было короновать его императором и восстановить Римскую империю уже в отрыве от Восточной. Так в 800 году н.э. Карл Великий сделался основателем новой Римской империи, понимавшейся как законное продолжение древней, как «все та же» — и даже лучшая — империя, Священная Римская. Это вполне устраивало итальянские города, которые стремительно богатели, обзаводились флотом и колониями по всему миру, от Африки до Крыма. Принадлежать цельному миру, некоей идеальной империи, и при этом быть гражданином вольного города — участь поистине завидная. Удивительно ли, что Италия становится матерью гениев?

Но даже столь живучий и жизнотворящий миф рухнул. Авиньонское пленение отделило средневековый мир с его устойчивой иерархией от децентрализации Возрождения. Папа покинул Рим, центр лишился смысла. Петрарка, очнувшись, ахнул: нет больше Рима! Нас обманули, мы давно уже не в империи! — и ринулся в Авиньон, чтобы вернуть папу. Авиньон же был не «плен», но пленение духа: за семьдесят лет, что первосвященники провели вне

Рима, переродились все мифы: империя, папство, Италия. И на глазах ошеломленного поэта под лозунгами единства и свободы снова и снова проливалась кровь. Миф о единстве и свободе явился накануне раскола, и трудно теперь понять, в какой мере миф порожден был страхом перед надвигающимся крушением, в какой мере сам подготавливал катастрофу.

Возвращение Святого престола в Италию означало проигрыш французов и их союзников, а потому французы выдвинули альтернативную кандидатуру — антипапу. Раскол продолжался при жизни еще двух поколений и окончательно подорвал авторитет Рима. Это надо иметь в виду при чтении антиклерикальных высказываний Макиавелли. Его ненависть к папству, к священникам, к Церкви явно выходит за пределы рациональных построений. Это глубокое, укоренившееся чувство — именно чувство, поскольку доводы слабоваты. Папы, говорит он, со своими попытками выкроить княжества для незаконных сыновей и племянников, виноваты в том, что Италия не может объединиться. Они — главное препятствие на пути к идеалу. Но почему? Казалось бы, Рим — лишь одна из пяти крупных сил, действующих в Италии. Сам же автор «Истории Флорен-

ции» перечисляет: Милан, то есть северная Италия; Неаполь и Сицилия, юг; Флоренция, родная Тоскана, самая сердцевина, источник народной речи и поэзии (он писал и трактат об итальянском языке); вечная соперница Тосканы — Венеция и, наконец, Папская область. Решительные действия папы и его наследников вполне могли в итоге привести к созданию единой Италии — делал же Макиавелли ставку на Чезаре Борджиа. Так что если Макиавелли судит папу, судит он его не за то, что папа сделал, а за то, что сделать не удалось. Несомненно, папе следовало выступить в качестве объединителя Италии — сто с лишним лет назад, еще во времена Петрарки. Момент упущен, мечта недостижима, хуже того — извращена, и гневные обличения Макиавелли звучат *насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом.*

Какие все же странные метаморфозы претерпевает человеческая мечта! В некий неуловимый миг она становится *красивой* мечтой, эстетизируется, перестает быть внутренней потребностью частного человека. Красивую мечту непременно попытаешься воплотить. И вот уже она — идеал, а там и до мифа недалеко... Насколько же поколение мечты, пусть

даже красивой, счастливее поколения, живущего мифами.

Рим не поднялся до высоты своего исторического предназначения — объединить мир. После авиньонского унижения, после раскола, накануне Реформации была предпринята последняя попытка вернуться в упорядоченный космос — попытка неуклюжая, заранее обреченная, но от того еще более значимая. Флорентийская уния, подписанная представителями католичества и православия в 1439 году, переводила разговор в иную плоскость: вернуть единство всему христианскому миру, объединить Запад и Восток, как были они объединены в исконной империи. Флорентийский собор был созван Евгением IV в противовес Базельскому, который затевал ограничить власть папы и сговаривался с ранними реформатами — гуситами. В том же 1439 году Базельский собор избрал антипапу, последнего в истории Католической церкви, и Запад вновь погряз в своих дрязгах. А послы Великого князя московского по возвращении за излишнее сочувствие латинской ереси были сосланы в дальние монастыри. Никому в раздробленном мире не требовался союз, разве что императору — не западному, а византийскому, последнему наследнику древней империи.

Надвигались мусульмане, и только поддержка всех единоверцев могла бы спасти Константинополь. Но крестовый поход против турок был объявлен с опозданием, *после* падения Константинополя. И все же в последней битве среди защитников Города были и флорентийцы, и генуэзцы, и венецианцы. Как в XI веке предки Данте, Петрарки и Макиавелли ходили в крестовые походы — и тогда впервые города Италии открыли для себя мир и начали осознавать свое место среди народов, — так и в последний час итальянцы отозвались на событие, которым завершились Средние века. Отныне у каждого народа своя дорога. На смену христианскому единству идет единство национальное. Так будет пониматься идеал в эпоху Макиавелли.

Попробуйте найти в его «Истории» хоть слово об унии. Папа Евгений IV упоминается постольку, поскольку он нашел во Флоренции прибежище, когда его выгнали из Рима, подробно рассказано о вмешательстве папы в вендетту местного значения (и вышел глава христиан круглым дураком — примирить враждующие партии не сумел, только подвел тех, кто положился на его слово). Кого оно интересует, это всемирное единство, устаревший миф?

В общем-то, если подумать, национальное единство — такая же абстракция, как единство христианское, всечеловеческое или европейское. И даже менее симпатичная абстракция. Но как раз своей меньшей симпатичностью она и убеждает Макиавелли (по принципу «невкусно — значит, полезно»). В духе своего времени он берется срывать красивые маски. Ему кажется, будто он освобождает человечество из плена отживших мифов. На заре научного мировоззрения еще никто, даже проницательный Макиавелли, не догадывался, что самым цепким, самым опасным мифом для человека окажется сам человек, поверивший в себя, в свой разум, в свои критические способности, в свои права. Макиавелли вроде бы призывал к прагматизму, предлагал довольствоваться малым. Не нужен нам берег турецкий — теперь уже турецкий... Может быть, и великая Италия ни к чему. Была бы великая независимая Флоренция. Но почему за Флоренцию человек должен отдавать жизнь с большей охотой, чем за Италию или всех христиан?

Ответ опять же будет сентиментальный и внятный лишь тем, кто жил именно в том городе именно в то время. Прозвище «Великолепный» Лоренцо носил не зря. И Макиавелли в «Истории Флоренции»

